

СЕМЕЙНЫЙ
РОМАН

Часть первая
ПЛОД ГРЕХА

I

Вечером накануне дня Святого Симона парусная ладья Борда, сына Петера, причалила к песчаной отмели у Биргси. Сам аббат Улав из Нидархолмского монастыря* выехал верхом на берег встретить своего родича Эрленда, сына Никулауса, и поздравить с приездом его молодую жену. Аббат пригласил новобрачных быть его гостями и переночевать в Вигге.

Эрленд провел по мосткам смертельно бледную молодую женщину — Кристин чувствовала себя отвратительно. Аббат шутивно заговорил о тяготах морского перехода; Эрленд рассмеялся и сказал, что его жене, верно, хочется поскорее лечь в постель, крепко приделанную к стене горницы. Кристин изо всех сил старалась улыбаться, а про себя думала, что по доброй воле никогда в жизни не взойдет на корабль. Ее начинало тошнить, едва Эрленд приближался к ней, — так пахло от него кораблем и морем; волосы у него совершенно слиплись от соленой воды и висели космами. Он был просто пьян от радости, пока они плыли на корабле. А господин Борд смеялся: там у них, в Мёре, где он вырос, мальчишки не вылезают из лодок, плавают под

* Нидархолмский монастырь был расположен на островке у г. Нидароса.

парусами и гребут с раннего утра и до поздней ночи. Правда, и Эрленд и господин Борд немного жалели Кристин, но, ей казалось, недостаточно — так ей было худо. Они все твердили, что морская болезнь прекратится, как только привыкнешь к плаванию на корабле. Но ей было одинаково скверно все время.

Даже на следующее утро, когда она ехала верхом через поселки, ей казалось, что она все еще плывет по морю. Дорога шла то вниз, то вверх по большим, крутым глинистым холмам, и если Кристин пробовала глядеть, не отводя взора, на какую-нибудь точку впереди, среди дальних лесистых гор, то будто вся местность кругом уходила из-под ног, вздымалась волнами и обрушивалась на светлое, голубоватое зимнее утреннее небо.

Целая толпа друзей и соседей Эрленда явилась с утра в Вигг проводить новобрачных до дому, так что ехали они в сопровождении огромной свиты. Земля звенела под копытами — она была тверда, как железо, от заморозков. От людей и лошадей шел пар; иней оседал на телах животных, на волосах и меховой одежде мужчин. Эрленд казался таким же седым, как и аббат, лицо его разгорелось от утреннего питья и жгучего ветра. На нем была брачная одежда, и он выглядел таким юным, таким радостным, что весь светился; в его красивом, мягком голосе слышались веселость и озорство, когда он, смеясь, перекликался с гостями.

Сердце у Кристин начало как-то странно трепетать — от грусти, от нежности, от страха. Она не совсем оправилась после морского перехода, а тут еще эта болезненная изжога, которая появлялась теперь, стоило ей только съесть или выпить что-нибудь, хотя бы самую малость; ей было ужасно холодно, а душу жгла глухая злоба на Эрленда за то, что он так беспечен... И все же теперь, когда она увидела, с какой

доверчивой гордостью, с каким сияющим ликованием везет он ее к себе домой как супругу, в глубине ее души зашевелилось горькое раскаяние; грудь заняла от сострадания к нему. И она пожалела, что послушалась тогда совета, подсказанного ее своеволием, и не дала понять Эрленду, когда он был у них дома минувшим летом, что совсем не годится справлять их свадьбу с излишним шумом. Но тогда ей хотелось, чтобы он сам понял — без унижений им не уйти от деяний своих...

...Да и, кроме того, она побоялась отца. И думала, что потом, когда их брак будет запит свадебным пивом, они уедут так далеко и ей не скоро придется увидеть опять свою родную долину... А тогда уже прекратятся навсегда всякие толки о ней...

Теперь она увидела, что все обернулось гораздо хуже... Правда, Эрленд говорил, что хочет устроить в Хюсабю большой пир по случаю возвращения домой, но она и в мыслях не имела, что тут будет как бы второе свадебное пиршество. А ведь здешние гости — это люди, среди которых им с Эрлендом жить, их уважение и дружбу им нужно приобрести. У этих людей перед глазами все эти годы проходили сумасбродства и несчастья Эрленда. И ныне он сам поверил, что поднялся в их мнении, что займет теперь место между равными себе, на которое имеет право и по рождению и по состоянию. А вот теперь он станет посмешищем во всей округе, когда выяснится, что он согрешил со своей собственной нареченной невестой...

Аббат наклонился с седла к Кристин:

— Что вы такая грустная, Кристин, дочь Лавранса? Все еще не оправались от морской болезни? Или, быть может, тоскуете по матушке?

— Да, господин, — сказала тихо Кристин, — я задумалась о матери.

Так добрались они до Скэуна*. Ехали высоко по лесистому горному склону. Под ними в глубине долины стоял лиственный лес, белый и косматый от инея; все сверкало на солнце, и далеко внизу чуть поблескивало синее озерко. Потом выехали из елового бора. Эрленд протянул руку:

— Видишь, вот и Хюсабю, Кристин! Дай тебе Боже провести там много радостных дней, жена моя! — произнес он взволнованным голосом.

Перед ними простирались обширные, белые от инея пашни. Усадьба стояла, словно на широкой полке, прямо посередине склона холма. Ближе всего была маленькая церковка из светлого камня, а прямо на юг от нее — дома. Их было много, и они были большие; дым клубами поднимался из отдушин. Зазвонили колокола, и народ потоком хлынул из усадьбы навстречу с громкими приветственными криками. Молодежь среди поезжан стала бить оружием по оружию — с шумом, с гамом, с радостными криками двигался свадебный поезд к усадьбе новобрачного.

Остановились перед церковью; Эрленд снял с лошади молодую и повел ее за руку к входу в церковь, где стояла вышедшая к ним навстречу целая толпа священников и служителей. В церкви был пронизывающий холод, дневной свет просачивался через маленькие полукруглые окна, рассеивая бледное сияние свечей на хорах.

Кристин почувствовала себя потерянной и испуганной, когда Эрленд выпустил ее руку и перешел на мужскую сторону, тогда как она вошла в толпу чужих, празднично одетых женщин. Служба была истовой. Но

* *Скэун* — округа в области Трёнделаг, или Трондхейм, около г. Нидарос (ныне Тронхейм); здесь находилось имение Эрленда — Хюсабю.

Кристин казалось, что ее молитвы неслись, как дуновение, обратно к ней, когда она делала попытку облегчить свое сердце и вознести его горé. Она подумала: быть может, это недобрый знак, что сегодня Симонов день — день святого покровителя того человека, с которым она поступила нехорошо.

Из церкви все направились процессией к усадьбе: впереди — священники, потом Кристин с Эрлендом рука об руку и, наконец, гости пара за парой. Кристин не могла настолько собраться с духом, чтобы как следует разглядеть усадьбу. Двор был длинный и узкий; дома расположены в два ряда по южной и по северной стороне. Они были большие и тесно примыкали один к другому, но по виду казались ветхими и запущенными.

Шествие остановилось у двери жилого дома, и священники окропили ее святой водой. Затем Эрленд повел Кристин через темные сенцы. Справа от нее запахнулась дверь, и хлынул поток ослепительного света. Кристин нагнулась, проходя под притолокой, и очутилась вместе с Эрлендом в его горнице.

Такого огромного покоя Кристин еще никогда не видела ни в чьем жилом доме. Посредине пола был устроен очаг, такой длинный, что огонь был зажжен по обоим концам его; покой был такой ширины, что поперечные балки подпирались резными столбами, — Кристин показалось, что это скорее церковь или королевские палаты, чем горница в усадьбе. У восточной короткой стены, где посредине шедшей вдоль нее скамьи было почетное место, по бокам были вделаны между столбов закрытые со всех сторон кровати.

В горнице горело множество свечей — на столах, гнувшихся под тяжестью дорогих кубков и блюд, в канделябрах, приделанных к стенам. По стародавнему обычаю, между растянутыми по стенам коврами висели щиты и оружие. За почетным местом стена была обтянута бархатом, и какой-то человек навешивал там

теперь отделанный золотой насечкой меч Эрленда и его белый щит с красным вздыбленным львом.

Слуги и служанки приняли от гостей их верхнюю одежду. Эрленд взял свою супругу за руку и подвел к очагу; гости расположились сзади них полукругом. Какая-то толстая женщина с добродушным лицом выступила вперед и оправила на голове Кристин слегка смявшуюся полотняную повязку. Отступая назад на свое место, она кивнула молодым и улыбнулась. Эрленд с улыбкой кивнул ей в ответ и взглянул на жену. В этот миг он был так красив лицом! И опять Кристин почувствовала, что сердце у нее упало, — ей стало ужасно жалко Эрленда. Она знала, о чем он сейчас думает, глядя, как она стоит здесь, в его горнице, в длинной белоснежной полотняной повязке, спускающейся на алое подвенечное платье. Сегодня утром Кристин пришлось туго обмотать себе живот под платьем длинным тканым поясом, чтобы оно сидело на ней красиво, и натереть щеки румянами, которые подарила ей фру Осхильд. И тогда, приводя себя в порядок, Кристин подумала гневно и горестно, что Эрленд не очень-то часто посматривает на нее теперь, когда она всецело принадлежит ему, раз он до сих пор ничего не понимает! Теперь она горько раскаивалась в том, что ни о чем ему не рассказала.

Пока новобрачные стояли так, рука об руку, священники обходили кругом всю горницу, благословляя дом, и очаг, и постель, и стол.

Затем служанка подала Эрленду ключи от хозяйства. Эрленд прицепил тяжелую связку к поясу Кристин, — и было видно при этом, что ему больше всего хотелось бы тут же поцеловать жену. Какой-то мужчина поднес большой рог, оправленный в золотые кольца, — Эрленд поднес его к губам и выпил за здоровье Кристин.

— Добро пожаловать в дом свой, хозяйка!